ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.62

ТЕХНОГЕННЫЕ РИСКИ КАК ФАКТОР ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2012 г. Л. И. Щербакова

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Рассмотрены особенности влияния современных техногенных рисков на поведение современной российской молодёжи в социуме. Показано, что современная российская молодёжь находится в ситуации преднамеренного неведения техногенных рисков, что выгодно для продолжения «грязного» технологического производства, но является неприемлемым для общественного здоровья и участия молодежи в расширенном социальном воспроизводстве.

Ключевые слова: *российская молодёжь; поведение; социальное воспроизводство; техногенные риски.*

In the article author reviews the features of nowadays anthropogenic risks' affecting social behavior of Russian youth. It's shown that nowadays Russian youth deliberately rejects the knowledge about the anthropogenic risks. This position of youth is advantageous for the environment-abusing technological production, but for social health in general, and for the youth as for the participants of the advanced social reproduction it is unacceptable.

Key words: *Russian youth; behavior; social reproduction; anthropogenic risks.*

На изучение различных аспектов социального развития российской молодежи оказывает влияние фактор рисков, которые, если понимать в расширительном значении, представляют социальные события, содержащие высокую степень неопределенности. Риск считается одной из черт «высокой современности» (Э. Гидденс [1]), а для российского общества, которое представляет «общество всеобщего риска» [2, с. 33] риск становится фактором формирования жизненных стратегий молодежи.

Дело в том, что российская молодёжь, демонстрируя, с одной стороны, высокий адаптивный потенциал, с другой — находится в состоянии социальной неопределенности, неэффективности социального опыта прошлых поколений в совершенно иных социальных

условиях и узости возможностей социального самоопределения, связанной с дефицитом институциональных механизмов включения молодежи в социальную жизнь. Выдвинутое концептуальное положение, естественно, нуждается в теоретической и эмпирической идентификации.

На наш взгляд, на социальное поведение российской молодежи воздействует ситуация вынужденного выбора, когда при исчезновении или резком сокращении государственного патернализма молодежи приходится самостоятельно осваивать жизненные траектории. Справедливости ради, следует отметить, что необходимо различать «катастрофическое» сознание как результат манипулирования и нагнетания социальных тревог и страхов, и реальное восприятие рисков как имманент-

тного фактора социального самоопределения молодежи.

Согласно модели «общества всеобщего риска», молодежь обречена на действия в условиях фатальности рисков, вынуждена принимать социальную среду как крайне нестабильную и связанную с производством и распространением рисков [2, с. 33]. Иными словами, риск становится объективностью, независимой от восприятий и решений молодежи. Очевидно, что в таком измерении социального риска для молодежи поведенческие стратегии становятся рискогенными, в той или иной степени содержат социальные угрозы и опасности, провоцируя переход к девиантным моделям социального поведения.

Выход на институциональный уровень предполагает, что в обществе не сложились или бездействуют институты социального развития молодежи, а молодежь концентрирует ресурсы на предотвращении рисков. Действительно, негативные эффекты поведения молодежи, правовой нигилизм, социальную апатию и эгоцентризм можно трактовать в контексте социального риска как реактивное поведение, вызванное разрастанием атомизированной социальной среды [2, с. 34]. Институциональное развитие в российском обществе ориентируется внешне на развитие институтов безопасности, стимулируемых нарастанием социальных рисков, часто имеющих «природные» и техногенные основания, но в реальности выполняющих латентные функции, связанные с самозащитой конкурирующих кланово-корпоративных структур. Можно констатировать, что наибольшим доверием молодежи пользуются институты церкви и президента.

Объяснение этому лежит в сфере вынужденного социального самоопределения молодежи, когда индивид не может полагаться на институты социального порядка и развития, а в авторитете церкви видит как раз невмешательство в социальную жизнь и возможность обоснования собственной социальной апатии. Институт президентства представляется структурой управления в условиях бездействия или безответственности системы социального управления. Казалось бы, внешне различные институциональные измерения имеют общее в том, что

русская молодежь, испытывая чувство невозможности влиять на «происходящее вокруг» как и старшие поколения, стремится минимизировать социальную активность как источник социальных рисков, а в институте президентства видит персонификацию всеобщей ответственности в условиях безответственного индивидуализма.

Проблема состоит в том, что молодежь ощущает последствия демодернизации, разрушения прошлого индустриального потенциала, который близок к исчерпанию поддерживающих ресурсов и находится в состоянии распада и полураспада. Можно сказать, что восприятие будущего российской молодежи определяется чувством тревоги, связанной с нарастанием техногенного хаоса. Действительно, российское общество постоянно ощущает прямые последствия и побочные эффекты техногенных сбоев.

С техногенными рисками средний россиянин сталкивается на социальном микроуровне, на уровне повседневности. Катастрофическое состояние ЖКХ, изношенность транспортной инфраструктуры, неэффективность деятельности различных технических служб создают картину «балансирования на грани коллапса», что определяет в контексте поведения молодежи принятия стратегии социального исключения. Молодежь в российском обществе характеризуется достаточно высокой территориальной мобильностью по сравнению с другими группами населения и, во многом, перемена места жительства молодыми россиянами связана не только с хорошей работой и стабильным заработком, но и с желанием жить в социально безопасной и комфортной среде.

Эти ощущения продуцируют выбор внутренней или внешней миграции: наибольшим миграционными показателями характеризуются российские моногорода с высоким уровнем социального и социально-экологического дискомфорта. Несмотря на то, что около трети молодых людей остается жить в местах «рождения», если учитывать наличие работы, связанной со стабильным заработком, наиболее предприимчивые и энергичные представители молодежи нацелены на решения «избежания техногенных рисков», что, в свою очередь, ассоциируются с работой в непроизводственном секторе, с профес-

сиональной реализацией в рамках инновационной экономики.

Техногенные риски представляются этой группе молодежи как общественная архаика, как неопределенность советского индустриального прошлого и, в какой-то степени, последствия диспропорционального развития российского общества и экономики. Если считать, что риск — категория поведенческая [3, с. 40], и связана с отношением молодежи к ожидаемым событиям с учетом их опасности, техногенные риски воспринимаются, на наш взгляд, как объективные и определяют стратегии сдерживания или ухода. Молодежь, следуя логике социального невмешательства, полагает, что ее воздействие на техногенные риски, на возможность устранения или нейтрализации минимальна. Рефлексия по поводу рисков сосредотачивается на вариантах поведения исключающих работу на опасном производстве или жизнь по соседству с источником техногенной опасности.

Нельзя не отметить, что на поведение российской молодежи влияет актуализм, сосредоточенность на удовлетворении ближайших целей и нежелание действовать по принципу «вознаграждение в будущем». Воспринимая техногенные риски как определяющие параметры социальной среды, молодые россияне выстраивают стратегию социальной микроактивности, ориентированной на опривычивание, хабиутализацию техногенных рисков, которые имеют высокую степень вероятности, но не являются опасностью для личного существования. Иными словами, считая, что в российском обществе высок уровень техногенной катастрофичности молодые люди полагают, что они имеют шансы «уберечься».

Эту позицию можно считать защитным механизмом или результатом отсутствия доступа к соответствующей информации, но можно сказать и то, что молодые россияне, как правило, не проявляют интереса к техногенным рискам вне профессиональной деятельности, а также не различают техногенные и природные риски, возводя их в степень непреодолимости обстоятельств.

Последнее не означает, что степень приемлемости техногенных рисков зависит от социальной самооценки, от удовлетворенности достигнутым социальным статусом, осознанием социальной уязвимости. По

сравнению со старшими возрастными поколениями, молодежь ощущает себя группой «возложения рисков», связанных не столько с социальным статусом, сколько с разрушением технологического «наследия». Другое измерение этого явления состоит в том, что в отличие от старших поколений молодые россияне не ориентированы на льготы как возмещение техногенных рисков и ожидают от государства политики повышения техногенной безопасности.

Впрочем, это не означает, что безопасность становится главным поведенческим ориентиром молодежи: с нашей точки зрения, молодые россияне, перекладывая на государство ответственность за техногенные риски, демонстрируют позицию «наблюдательства», не склонны видеть в восприятии опасностей, связанных с техногенной средой, императива общественной активности. Даже признавая жизненное пространство непригодным для жизни, российская молодежь либо уповает на ресурс здоровья, либо склонна к принятию девиантной позиции, того, что Ю. А. Зубок обоснованно квалифицирует как отрицание определенности [4, с. 179].

В сознании молодых россиян складывается образ социальной реальности, который определяется «неизвестностью» принятия возможных решений, но, тем не менее, ассоциируемой со стабильностью социального положения. Это означает, что российская молодежь, объективируя, «натурализуя» техногенные риски, не рассматривает их в контексте социальной обусловленности и «не уравнивает» тем самым стремление к социальной безопасности.

Эта позиция имеет последствием обсуждение, но не рефлексия проблемы техногенных рисков как социально значимых. Результаты социологических исследований говорят о том, что нынешнее поколение российской молодежи не связывает такой показатель, как уровень личной безопасности, с техногенным фактором [5, с. 358]. Характерно, что испытывая страх перед «беспределом» и преступностью в стране и считая, что это является поводом испытывать стыд за ее нынешнее состояние (26–29%) [5, с. 364], молодые россияне интерпретируют техногенные риски не в аспекте социального са-

мочувствия, а относят к сфере проблем развития экономики. Вероятно, для них преодоление рисков связывается не с наращиванием ресурсов технологической безопасности, а с инновационной экономикой, которая включает «безопасные технологии».

Ключевыми потерями от техногенных рисков нынешнее поколение молодежи считает неудовлетворенность условиями жизни и чувство неспособности влиять на окружающие, что в принципе коррелирует с установкой на самодостаточность, на обустроенность личной жизни. Интерпретируя техногенные риски как неизбежные в российских условиях, молодые россияне легитимируют собственное безразличие к технологической безопасности как проблеме, выходящей за пределы личных возможностей и интересов. Эта позиция проецируется на отношение к общественной активности. Если очевиден сдвиг молодежи в оценке защиты и реализации личных прав и свобод, перспектив получения качественного образования и трудоустройства, техногенные риски оцениваются и осмысливаются в контексте экстремальных «тревог», связанных не со знаниями об опасности и возможностями контроля [3, с. 128], а с обыденным представлением, основанном на скепсисе по отношению к информации о техногенных рисках.

Это является важной поведенческой детерминантой, так как воспроизводит потребительское поведение: поведение, в котором если и отражаются техногенные риски, то с точки зрения потребительского выбора. Иными словами, молодые россияне не готовы и не размышляют о том, что могут быть внесены существенные изменения в поведенческие модели, связанные с логикой разумного потребления, отказом от использования опасных технологий и эффективным социальным контролем над технологическими процессами.

У большинства молодых россиян не вызывает энтузиазма затратность нейтрализующих и сберегающих технологий: соглашаясь с установкой на социальный комфорт, молодежь не определяет диапазон самоограничения, связанный с переходом на новые, но требующие селекции потребительских приоритетов технологии. Даже когда заходит речь о малоизвестных технологиях (как например использование генной инженерии в сельском хозяйстве, пищевой промышленности), молодые россияне, испытывая тревоги по поводу последствия для здоровья, не изменяют восприятие риска [3, с. 131]. Конечно, в эту ситуацию определенную долю вносит дефицит объективной информации, высокомерие экспертного сообщества по отношению к массовому сознанию.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что российская молодежь находится в ситуации преднамеренного неведения техногенных рисков, что выгодно для продолжения «грязного» технологического производства, но является неприемлемым для общественного здоровья и участия молодежи в расширенном социальном воспроизводстве.

Литература

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2005.
2. Россия: трансформирующееся общество. / Под ред. В. А. Ядова. — М.: Институт социологии РАН, 2001.
3. Риск в социальном пространстве. / Под ред. А. В. Мозговой. — М.: Институт социологии РАН, 2001.
4. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. — М., 2007.
5. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. — М., 2011.

Поступила в редакцию

02 декабря 2012 г.

Лидия Ильинична Щербакова — доктор социологических наук, профессор, проректор по образовательной деятельности Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор исследований по проблемам социологии наёмного труда и другим проблемам социальных институтов и процессов.

Lidia Ilyinichna Shcherbakova — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, pro-rector for the educational activities at Southern Russia State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Author of numerous works, devoted to actual problems of hired labor sociology, and other problems of social institutions and processes.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-20; e-mail: socis_srstu@mail.ru

Гранты 2013 года для молодых ученых (Франция)

Фонд Фиссена(Fondation Fyssen, Франция) присуждает постдокторские гранты для проведения исследований познавательных механизмов у людей и животных. Гранты предназначены исследователям, работающим в следующих дисциплинах: этология, палеонтология, археология, антропология, гносеология, логика и нейронауки.

Гранты размером до 25000 евро в год присуждаются иностранным ученым, желающим работать во французских лабораториях.

Продолжительность — от 8 до 12 месяцев, возможно продление на год.

Возраст — до 35 лет. Кандидаты должны иметь степень PhD или ее аналог.

Подробная информация опубликована на сайте Фонда:
<http://www.fondationfyssen.fr/en/post-doctoral-study-grants/>